Весці БДПУ. Серыя 1. 2022. № 1. С. 93–97.

УДК 81'38+81'371

КОННОТАТИВНО ОКРАШЕННАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭЗИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Е. В. Кожемяченко,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и лингводидактики Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка

Поступила в редакцию 14.01.22.

UDC81'38+81'371

CONNOTATIVELY COLORED LEXICON IN THE POETRY BY MARINA TSVETAYEVA

E. Kozhemiachenko,
PhD in Philology, Associate
Professor of the Department
of Linguistics and Linguodidactics,
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank

Received on 14.01.22.

В статье рассматривается эффективность коннотативно окрашенной лексики в поэтической речи Марины Цветаевой, которая характеризуется эмоциональной напряженностью и ассоциативным разнообразием в реализации коннотативных значений. Анализируется поэтическое словоупотребление поэта, характеризующееся стремлением преодолеть стереотипное восприятие значения употребляемых лексических единиц за счет расширения традиционного набора семантических признаков и ассоциативных связей, переосмысления культурологического значения лексем. Акцентируется внимание на национально-культурном компоненте коннотации, который представлен комбинаторными возможностями лексем и становится важнейшей частью коммуникативного потенциала поэтического текста.

Ключевые слова: поэтический текст, коннотация, коннотативное значение, коннотативно окрашенная лексика, компоненты значения, национально-культурный компонент, имена собственные, лексические единицы.

The article considers effectiveness of connotatively colored lexicon in poetic speech of Marina Tsvetayeva characterized by emotional tension and associative variety in realization of connotative meanings. It analyzes the author's poetic word usage characterized by the intention to overcome stereotypical perception of the meaning of the used lexical units due to broadening of traditional set of semantic indicators and associative connections, reconsideration of culturological meaning of lexemes. The attention is focused on the national-cultural component of connotation presented by combinatory possibilities of lexemes and becoming the most important part of communicative potential of a poetic text.

Keywords: poetic text, connotation, connotative meaning, connotatively colored lexicon, components of meaning, national-cultural component, proper names, lexical units.

Изучение языка поэзии, в том числе особенностей идиолекта конкретного автора, является перспективным направлением исследований отечественной и зарубежной лингвистики. В связи с этим уместно обратиться к поэтическому творчеству М. Цветаевой с присущим ей семантическим синкретизмом языкового знака на лексичесом уровне. Несмотря на большое количество исследований проблемы коннотации в различных аспектах ее проявления, вопросы авторского расширения семантического объема слова, разнообразие его ассоциативных рядов, употребление лексемы в нестандартных текстовых ситуациях требуют особого внимания и изучения.

Цель статьи – изучение коннотативно окрашенной лексики, участвующей в формировании смысла художественных произведений М. Цветаевой, выявление и анализ межтекстовых лексических парадигм как отражение национально-культурных коннотаций.

Методологическую основу работы составили исследовательские принципы Р. А. Будагова, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, А. А. Потебни, Л. В. Щербы, философские положение о взаимной обусловленности формы и содержания, системности и историзма. Сложность исследуемой проблемы привела к необходимости использования совокупности приемов лингвистического анализа. Основным является функционально-стилистический метод, предполагающий исследование речевой системности. В качестве дополнительных выступает структурно-описательный метод, в частности метод наблюдения, структурно-семантический, а также синтезирующий, который рассматривает составляющие текста как изолированно, так и в их взаимоотношениях.

Материалом исследования послужили поэтические тексты академических собраний сочинений М. Цветаевой [1].

Проблема коннотации, определение ее лингвистического статуса, сущности, структуры, места и роли в языке относится к числу наиболее дискутируемых в лингвистической литературе. Со времени издания трудов Дж. Ст. Миля, К. О. Эрдмана, Л. Блумфильда, Е. Ельмслева, Р. Барта, Дж. Лайонза, Ш. Балли, Ч. Остгута, И. В. Арнольд, В. И. Шаховского, В. Н. Телии, В. А. Масловой, Е. Ю. Муратовой и др., посвященных феномену коннотации, неоднозначность взглядов и подходов к изуче-

нию этой проблемы увеличилась, что говорит о ее многогранности и сложности. Коннотация как лингвостилистическое, семантическое, ассоциативное и психолингвистическое явление позволяет понять полифоничность текстов, интерпретировать художественные образы, сравнения, из которых можно вывести особый, присущий только данному произведению, эстетический смысл, дающий возможность в некоторых случаях демаркировать мировоззренческие позиции писателя.

Попытки исследователей уточнить объект, именуемый термином «коннотация», привели к возникновению большого количества определений, из которых остается неясной ни сама природа, ни семантическая структура данного понятия.

При рассмотрении коннотации в лингвистическом аспекте можно выделить широкое и узкое ее понимание. При узком понимании коннотация связывается с эмоциональностью и стилистической окрашенностью или же только с эмоциональностью (эмотивностью) (А. В. Филлипов, В. И. Шаховский). В широком понимании к коннотации относят экспрессивный, эмоциональный, оценочный, образный и стилистический компоненты значения (О. С. Ахманова, В. Н. Телия). В некоторых трудах по стилистике отдается предпочтение термину «синтаксическое значение» (Т. Г. Винокур). При этом стилистическое значение определяется по-разному: как элемент семантической структуры слова (особенно семантический компонент) или как общее обозначение эмоционально-оценочных и экспрессивных компонентов в значении слова.

Лингвистическая сущность коннотации заключается в том, что дополнительная, сопутствующая, невербализованная, стилистически-образная информация сопровождает слово в его концептуальном значении, представляет собой результат реализации внутрисемных связей, присутствующих в качестве снятого момента в любых ситуативных условиях, и находит свое проявление в становлении образных стилистических смыслов, что дает возможность рассматривать коннотативное значение как проекцию денотативного и абсолютно-стилистического на более сложном эмоционально-эстетическом, ассоциативном, субъективно-образном уровне предметно-логических связей. Коннотативное значение – это эмоционально-стилистическое содержание слова, закрепленное за ним вместе с понятийным содержанием, которое складывается из двух значений: эмоционального и стилевого, оно шире стилистического. Коннотация – это любой компонент (эмоциональный, экспрессивный, оценочный, стилистический, культурный и др.), который дополняет предметно-понятийное, грамматическое содержание языковой единицы и наделяет ее экспрессивной функцией.

Если говорить о национально-культурном компоненте коннотации, то необходимо отметить связь языка и культуры в целом. Текст как мультикомпонентное образование обладает различными национальными чертами, определенной национальной спецификой, которые проявляются в языке как национальное отличие культуры народа, цивилизации. Язык и культура неразделимы. Язык – это форма культуры, он не существует вне культуры, вне социально унаследованной совокупности практических идей и навыков, описывающих наш образ жизни. Как отмечал Э. Сепир, язык в лексике старается наиболее точно отразить культуру, которую он обслуживает. Национально-культурный компонент закреплен в первую очередь в значении слова.

По своей структуре коннотативный компонент значения лексемы неоднороден. В современном мире увеличился интерес ученых и лингвистов к коннотативно окрашенной лексике, периферийным компонентам лексического значения слова. Как отмечает А. А. Гируцкий, явление художественно-литературного творчества связано с психологией творчества, с проявлением в нем этического и эстетического, идеологического и психологического, национального и интернационального, что находит свое отражение в поэтическом языке, в отборе языковых средств, служащих первоисточником любого художественного образа [2, с. 4]. Очевидно, что коннотация играет важную роль в коммуникативном процессе. В поэтическом тексте актуализируются культурная пресуппозиция, фоновые знания, закрепленные за словом, поэтому рассматривать структуру слова надо как существенную, современную единицу, корни которой уходят в прошлое, историю, оставляя живой отпечаток с точки зрения синхронии и диахронии. В этом заключается пристальное внимание к национально-культурной составляющей семантики поэтического слова.

Чаще всего культурный компонент обнаруживается в коннотативной зоне лексического значения, ассоциативных связях слова и является важнейшей частью его коммуникативного потенциала [3, с. 14].

Показатель выразительности, насыщенности и яркости, с которой проявляется культурный компонент слова в поэтическом тексте, зависит от его непосредственной роли и роли текста в структуре семантики слова. Культурная коннотация (термин введен В. Н. Телия в 1993 году) – это интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры [4, с. 52].

Поэзия М. Цветаевой наделена необычностью, уникальностью, нестандартностью, разнообразием ассоциаций и смыслообразований. Поэт по-особенному трактует сущность окружающих нас явлений и реалий, определя-

ет между ними уникальные ассоциативные связи, потому что в создаваемом им поэтическом мире нет места случайности, банальности. Поэзия М. Цветаевой гармонично соединяет традиционный поэтический язык с языком новых форм, реализуя тем самым потенциальные глубинные возможности языковой системы русского языка. Характерная эмоциональная напряженность, ассоциативная многоплановость в реализации коннотативно окрашенной лексики свойственна поэзии М. Цветаевой.

Условно можно выделить несколько межтекстовых лексических парадигм культурологического типа, которые раскрывают коммуникативный потенциал поэтического текста.

В поэтических текстах М. Цветаевой используются имена собственные, присутствующие в тезаурусе культуры определенной эпохи, имеющие вневременную ценность для общества (названия вымышленных и реальных географических мест, имена мифологических, библейских и литературных персонажей, легендарных исторических, культурных личностей и др.). Изучение и понимание определенного имени читателем предполагает знание соответствующего прецедентного текста и ситуации. В этом случае национально-культурный компонент составляет денотативно значимую часть лексического значения слова. Собственное имя передает различные оценочно-эмоциональные идеи поэта благодаря коннотативно окрашенным, семантическим, парадигматическим и синтагматическим связям слова в тексте, тем самым порождая определенные ассоциации у носителей языка. Например, имя А. С. Пушкина рождает следующие реалии: эпоха, символ, гений, поэт, поэзия, великий, талант и т. д., поэтому культурная информация имени составляет основу денотативно-сигнификативной части его значения.

М. Цветаева любила живого, а не «хрестоматийного» А. С. Пушкина. В раннем стихотворении «Встреча с Пушкиным» она описывает свое романтическое родство с поэтом – веселым *«курчавым магом»*, который мог бы быть спутником ее радостных коктебельских лет. Поэт с яростью защищает «своего» Пушкина, свое право на понимание кумира. М. Цветаева ревностно оберегает лирического героя – даже от его истинной, трудной и противоречивой судьбы. Имя А. С. Пушкина в данном стихотворении содержит коннотативное значение «великий русский поэт», в нем М. Цветаева обращается к поэту не только как к общеизвестному, признанному всем миром, но и как к своему наставнику: *Я вспоминаю курчавого мага // Этих лирических мест. // Вижу его на дороге и в гроте… // Смуглую руку у лба… // – Точно стеклянная на повороте // Продребезжала арба… – // Запах – из детства – какого-то дыма // Или каких-то племен… // Очарование прежнего Крыма // Пушкинских милых времен. // Пушкин! – Ты знал бы по первому взору, // Кто у тебя на пути. // И просиял бы, и под руку в гору // Не предложил мне идти.* В этом стихотворении имя А. Пушкина включено в контекст имен – названий географических мест: *Слева – крутая спина Аю-Дага, // Синяя бездна – окрест; Очарование прежнего Крыма // Пушкинских милых времен*. Для М. Цветаевой имя поэта неотделимо от тех мест, где он жил и от России вообще. Ей ведомы и понятны все тайны пушкинского ремесла, каждая его скобка, каждая описка, она знает цену каждой его остроты, каждого произнесенного или записанного слова.

В стихотворении «Крестины» М. Цветаева вместо имени Пушкина употребляет название созданного им стихотворения «Анчар»: …*сок твоего, Анчар, // Плода в плоскодонном ковшике // Вкусила*…Слово «анчар» вызывает ассоциации с именем А. Пушкина: это А. Пушкина М. Цветаева называет анчаром, это он ее «крестный отец» в поэзии. Анчар не употребляется в кавычках, как название, но это имя собственное, а не нарицательное. Обратное «превращение» происходит с именем царя Августа в стихотворении «Июнь. Июль. Часть соловьиной дрожи …», где имя Август написано с прописной буквы, но употребляется не как имя собственное, а как имя нарицательное – название летнего месяца: *Да, Август – царь. – Тебе царей не надо, – // А мне таких не надо – без царя!* В стихотворении М. Цветаева говорит о последнем месяце лета, изобилующем роскошными дарами природы, придает ему величие, могущество, воинственность.

Множество ассоциаций вызывает у поэта имя А. Блока. В цикле «Стихи к Блоку» М. Цветаева использует имя в значении ‘фамилия’, называет поэта *вождь без дружин, князь без страны, друг без друзей*. Имя А. Блока приобретает очень весомую и значимую ценность мирового масштаба, равных которому нет и не будет. Свое личное отношение к поэту М. Цветаева выражает с помощью местоимения *мой*: *божий праведник мой прекрасный, свете тихий моей души; вседержатель моей души*… Благодаря этому можно увидеть ассоциативный ряд: *Блок – душа – свет – Бог*, в котором прослеживается особое отношение М. Цветаевой к поэту, которого она обожествляет, считает идеалом.

Звуковой комплекс *блок* устанавливает сходство *с птицей в руке; льдинкой на языке; мячиком, пойманным на лету; бубенец во рту; щелк курка; поцелуй в снег; поцелуй в глаза; глоток…, подобен камню, брошенному в воду.* Ряд *тепло – нежность – звонкость – близость – движение* включает текстовые единицы *птица – в руке, поцелуй, всхлипнет, нежную, громкое имя твое гремит, поцелуй в глаза*, вызывает у читателя ассоциации, связанные

с жизнью, изменчивостью, бренностью, смертью. Ряд *холодный – бесчувственный – тишина – неподвижность с единицами текста льдинка, снег, камень, недвижных, с именем твоим сон глубок, тихий пруд* ассоциируется с понятиями вечность, жизнь в бессмертии. Именно символ бессмертия как абсолютного бытия духа в вечности дан в многочисленных художественных образах снега, льда, безмолвия, глухоты, неподвижности, рождающих образные ассоциации. Значение бессмертия коннотирует звуковой комплекс *блок*. В стихотворении представлен образ высокой поэзии, которой свойственны и зависть врагов, и любовь друзей и читателей.

Имена собственные играют значительную роль в культурной жизни общества и отражают определенную эпоху. В поэме «Сибирь», упоминая Ивана Грозного, М. Цветаева создает необычное сочетание имени и отчества, благодаря чему собственное имя приобретает коннотативность с увеличительно-устрашающим оттенком значения: …*Гори, гори, Сибирь – // Нова! // Слепи Москву – // Стару!.. // Иванищу Васильевичу // Край, Строгановыми // Как на ладони поданный.*

Для поэзии М. Цветаевой характерны лексические единицы – перифразы, различные метафорические обозначения имен собственных: *архангел-тяжелоступ, певец беспощадных чудес, булыжный гром* (В. Маяковский); *пеннорожденная* (Афродита); *странноприимный дом* (Москва); *бешеный атаман, разбойник, красный зверь* (Степан Разин); *родитель Ассамблей, Царь-Плотник; Царь-Кустарь; Царь-бунтарь* (Петр Первый); *Вожатый* (Емельян Пугачев) и др. Такие лексические единицы несут на себе отпечаток традиционного или индивидуально-авторского эмоционально-оценочного отношения, поэтому культурная составляющая в них смещена на границу концептуальной и коннотативной областей их лексического значения. Имя А. Ахматовой в цикле «Стихи к Ахматовой» М. Цветаева связывает со словом *муза*: *муза плача, прекраснейшая из муз, Царскосельская муза*. В этом же цикле А. Ахматова названа *разъярительницей ветров, насытительницей метелей, чернокнижницей*. Данные лексические единицы имеют коннотативное значение чего-то магического, сверхъестественного, связанного с черной магией. Поэт называет героиню *Златоустой, искупительным глаголом всея Руси*, делая акцент на значении Ахматовой для России.

В поэзии М. Цветаевой встречаются слова, где культурный компонент представлен имплицитно и не всегда воспринимается носителем языка, хотя в культурных традициях народов они могут иметь устойчивое коннотативное значение. В поэтическом тексте поэта данные слова обычно являются ключевыми, выступают стимулами для разнообразного ассоциативного ряда, на основе которого создается целостный поэтический образ, например: *дом, пена, море, окно, глаза, волосы, сад, стол, рельсы, каюта, вода* и др. Если восприятие действительности совпадает с принятой в обществе культурной традицией, то поэт старается усилить, подчеркнуть необходимый оттенок коннотации. Сопоставление авторской интерпретации стимула *окно* с узуальным ассоциативным полем *(в мир, открыто, свет, распахнуто, в жизнь, в небо, в свет и др.)* подтверждает наличие определенного культурного стереотипа восприятия данного ключевого слова как выхода в другое трансцендентное пространство, обещающего свободу и новые возможности. В поэтическом мире М. Цветаевой *окно* открыто, что означает свободный выбор места обитания души, возможность улететь *Наядою сонную // В моря заоконные* («Атлантским и сладостным»), но в то же время окно ассоциируется с жизнью человека *Вот опять окно, // Где опять не спят* (цикл «Бессоница»). Следовательно, контекст эпохи обусловливает коннотации национально-культурного компонента.

Немаловажной в поэзии М. Цветаевой является лексема *сна*. Мотив встречи во сне появляется еще в ранний период ее творчества: *Все лишь на миг, что людьми создается, // Блекнет восторг новизны, // Но неизменной, как грусть, остается // Связь через сны; Я не молю: «О, Господь, уничтожи // Муку грядущего дня!» // Нет, я молю: «О пошли ему, Боже, // Сон про меня!»* («Связь через сны»). Круг узуальных ассоциаций на стимул сон узок и однообразен *(невыспавшийся сон, условный, страшный, вечный, мертвый, туманящий, новый)*, однако коммуникативные возможности слова расширяются. *Сон* и *смерть* в творчестве М. Цветаевой тесно переплетаются, родственны, затем *сон* начинает отсутствовать в реальной жизни и максимально присутствовать в ином мире. В советский период мир сна становится для М. Цветаевой миром иной реальности, сближаясь с миром творчества, где возможны истинные проявления лирического я. Мир сна и мир творчества – это пограничная область между двумя мирами, видимым и невидимым, управляемая одними и теми же законами, которые обратны законам действительности.

Особую семантическую насыщенность в цветаевском контексте имеют образы земной стихии: *цветок – куст – дерево – лес*. С мотивом вечности, органически связанным с традиционной темой поэта и поэзии, соотнесены цветаевские образы куста и деревьев. Сам образ дерева представляет собой вертикаль, воплощенную идею стремления ввысь, а значит, по М. Цветаевой, имеет значение сакрального символа. Дерево как сакральный культурный знак представляет мировую ось, проходящую

в нескольких плоскостях: корни связаны с миром преисподней, срединный мир (земля) представлен стволом дерева, ветви символизируют *горний, небесный мир*. В интерпретации поэта наиболее значимой частью дерева является ствол, сердцевина: *Я знаю: не сердце во мне сердцевина // На все протяженье ствола*. Образ дерева соединяет цветаевские понятия, связанные с темой поэзии: идею вертикального восхождения, динамики, предельной свободы, вечности, высшей природной мудрости. Текстовая парадигма деревья включает следующие ассоциаты: *други, беглецы, вестовые, ивы-провидцы, березы-девственницы, вязяростный Авессалом, на пытке вздыбленная сосна* и др. Образ дерева приобретает дополнительную коннотативную нагрузку, семантический объем слова обогащается за счет экспрессивно-образных ассоциаций. Поэт привносит в их узуальную семантику свежее культурологическое звучание – деревья находятся вне человеческого измерения времени, открывают иную жизнь, «по ту сторону дней»: *Это – заговор против века: // Веса, счета, времени, дроби*. Они кроме забвения земных печалей хранят и прошлое, и нынешнее настоящее, и таинство будущего: *В пророчества речами косвенными –, // Листва ли листьями? // Сивилла ль – выстонала?; Ивовый сребролетейский плеск Плачущий … // В слепотекущий склеп памятей….*

Исследование поэтических текстов М. Цветаевой позволяет отметить, что коннотативные компоненты лексической единицы (в том числе и национально-культурный), продиктованные ассоциативной сопряженностью с контекстом и ее интегральными связями, передают информацию, необходимую для коммуникативного акта, делают процесс общения субъективно-окрашенным, личностно значимым. Поэт смело использует все ресурсы коммуникативного потенциала слова, выражая свое особое эстетическое видение мира, создавая прагматический эффект, отражающийся в коннотативной зоне лексического значения слова и ассоциативных связях. Словоупотребления в поэзии М. Цветаевой характеризуются стремлением побороть стереотипное восприятие смысла используемых лексических единиц за счет расширения традиционного набора семантических признаков, ассоциативных связей слов вплоть до переосмысления культурной значимости лексем, привнесения в семантику некоторых из них необычной и уникальной культурной значимости.

Литература

1. *Цветаева, М. И.* Избранные произведения / М. И. Цветаева. – М. ; Л. : Совет. писатель, 1965. – 812 с.
2. *Гируцкий, А. А.* Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы / А. А. Гируцкий. – Минск : Университетское, 1990. – 175 с.
3. *Бабенко, И. И.* Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М. И. Цветаевой : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. / И. И. Бабенко. – Томск, 2001. – 234 с.
4. *Маслова, В. А.* Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста / В. А. Маслова. – Минск : Высш. шк., 1997. – 156 с.

References

1. *Cvetaeva, M. I.* Izbrannye proizvedeniya / M. I. Cvetaeva. – M. ; L. : Sovet. pisatel', 1965. – 812 s.
2. *Giruckij, A. A.* Belorussko-russkij hudozhestvennyj bilingvizm: tipologiya i istoriya, yazykovye processy / A. A. Giruckij. – Minsk : Universitetskoe, 1990. – 175 s.
3. *Babenko, I. I.* Kommunikativnyj potencial slova i ego otrazhenie v lirike M. I. Cvetaevoj : dissertaciya ... kandidata filologicheskih nauk : 10.02.01. / I. I. Babenko. – Tomsk, 2001. – 234 s.
4. *Maslova, V. A.* Lingvisticheskij analiz ekspressivnosti hudozhestvennogo teksta / V. A. Maslova. – Minsk : Vyssh. shk., 1997. – 156 s.